

Мешадиева Айнель Энвер кызы

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИЧАСТНОЙ ФОРМЫ НА –DIK 4 В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье проводится сравнительно-исторический анализ причастной формы на -d?k 4 как на материале современных тюркских языков, их диалектов и говоров, так и в древнетюркский период. В настоящее время ряд вопросов относительно морфолого-семантических особенностей и основных функций причастной формы на -d?k 4 в тюркских языках не получил исчерпывающего освещения в тюркологии. В процессе сравнительно-исторического исследования выявляются сходные и отличительные особенности, а также различные фонетические варианты причастной формы на -d?k 4 в современных тюркских языках, а также рассматривается ее этимология.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 133-138. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Дружинин А. В. «Необычайная повесть», роман Э. Л. Бульвера – «Орли-фармская мыза» Антони Троллопа // Дружинин А. В. Собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1865. Т. 5. С. 418-425.
2. Дружинин А. В. Эдвард Литтон Бульвер и его новый роман «Семейство Какстонов» // Современник. 1850. Т. 21. № 6. С. 193-199.
3. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 380-389.
4. Чернышевский Н. Г. Предисловие к «Моей биографии» // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 2. С. 682-683.

CONTROVERSY OF A. V. DRUZHININ AND N. G. CHERNYSHEVSKII ABOUT CREATIVE WORKS OF E. BULWER-LYTTON AS REPRESENTATION OF LITERARY SITUATION IN 1850-60

Matveenko Irina Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
mia2046@yandex.ru

The author considers the perception of E. Bulwer-Lytton's creative works in the context of the Russian literary situation of the 1850-60's, and basing on the analysis of the Russian critics' reviews of the English writer's works comes to the conclusion about the obvious interest of A. V. Druzhinin and N. G. Chernyshevskii to the works of the English writer in terms of their genre, narration and characters creation.

Key words and phrases: perception; E. Bulwer-Lytton; A. V. Druzhinin; N. G. Chernyshevskii; mass literature.

УДК 811.512.1

Филологические науки

В настоящей статье проводится сравнительно-исторический анализ причастной формы на -dik⁴ как на материале современных тюркских языков, их диалектов и говоров, так и в древнетюркский период. В настоящее время ряд вопросов относительно морфолого-семантических особенностей и основных функций причастной формы на -dik⁴ в тюркских языках не получил исчерпывающего освещения в тюркологии. В процессе сравнительно-исторического исследования выявляются сходные и отличительные особенности, а также различные фонетические варианты причастной формы на -dik⁴ в современных тюркских языках, а также рассматривается ее этимология.

Ключевые слова и фразы: причастная форма на -dik⁴; этимология; сравнительно-историческое исследование; современные тюркские языки; диалекты; древнетюркский период; сходные и отличительные особенности.

Мешадиева Айнель Энвер кызы, к. филол. н., доцент
Институт языкознания им. Насими
Национальная академия наук Азербайджана
meshadiyevaaynel@mail.ru

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИЧАСТНОЙ ФОРМЫ НА -DIK⁴ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ[©]

Как известно, изучение причастий в тюркологии началось в 50-е годы прошлого столетия. За этот период исследованы основные морфологические особенности, синтаксическая структура причастий, разработана классификация, выявлена этимология отдельных причастных форм современных тюркских языков.

В настоящее время наиболее актуальными проблемами тюркского причастия являются: сравнительно-историческое и сопоставительное изучение системы причастий родственных и неродственных языков; роль причастий тюркских языков в развитии синтаксиса литературного языка в целом, его семантико-морфологические связи с другими функциональными формами глаголов в синхронном и диахроническом аспектах.

В современном тюркском языкознании причастные формы стали предметом многочисленных исследований на материале узбекского, якутского, азербайджанского, турецкого, гагаузского, кумыкского, татарского, чувашского языков.

Однако, несмотря на это, некоторые отдельные причастные формы в современных тюркских языках до сих пор не подвергались системному и сравнительно-историческому исследованию.

Это обстоятельство и обусловило актуальность исследования семантико-морфологических особенностей и синтаксических функций причастия на *-dik⁴* в тюркских языках.

Целью нашего исследования является изучение грамматической сущности причастий, выявление сходных и отличительных функционально-семантических и морфологических особенностей, а также этимологии причастной формы на *-dik⁴* в тюркских языках.

Относительно этимологии аффикса на *-dik⁴* в тюркологии существуют различные мнения. Некоторые языковеды (Г. И. Рамstedт (1957 г.), В. Котвич (1962 г.), М. Казембек (1839 г., 1846 г.), М. С. Михайлов (1965 г.), А. Н. Кононов (1956 г., 1960 г.), А. Г. Бишев (1963 г., 1971 г.) и др.) придерживаются мнения, согласно которому данный аффикс образовался посредством сочетания элементов *-ды* и *-к*. Иного мнения придерживались О. Бётлингк (1849 г., 1851 г.), Ж. Дени (1952 г.), К. Броккельман (1951 г.), Н. А. Баскаков (1940 г., 1952 г.), Н. З. Гаджиева (1999 г.), В. Г. Кондратьев (1981 г.), А. П. Поцелуевский (1943 г.), П. И. Кузнецов (1954 г., 1956 г.), Б. Ходжаев (1958 г.), А. А. Кулиев (1978 г.) и др. Согласно их мнению, рассматриваемый аффикс на *-dik⁴* является первичной, а форма на *-di* образовалась в результате выпадения последнего звука на *-k*.

Наиболее показательным на этот счет следующее высказывание В. Котвича: «Можно предполагать, что решающую роль в этой эволюции сыграло именно образование на месте формы причастия с *-dyq* спрягаемого глагола с сокращенным суф. *-dy*. Эта новая форма удержалась во всей тюркской языковой области; одновременно само причастие на *-dyq*, как бы выполнив свою роль, т.е. образовав спрягаемый глагол, отошло в сторону. В подавляющем большинстве языков этот суффикс уступил место своему конкуренту» [8, с. 293].

Как мы видим, А. Котвич также разделяет гипотезу, согласно которой аффикс на *-dik⁴* был первичным, а аффикс *-di* является производной от него.

По мнению Б. А. Серебrenникова, аффикс *-dik⁴* образовался посредством слияния аффиксов отглагольных прилагательных *-t* и *-(y)-q*. [17, с. 230].

Однозначное объяснение генезиса формы на *-dik⁴*, как полагает И. Н. Шерванидзе, представляется пока затруднительным. По его мнению, данный аффикс является сочетанием древнейших элементов *-t~ -d + -(ü)k, -(u)q* [21, с. 100].

Аффикс на *-dik⁴* является одним из древних причастных аффиксов и зафиксирован в тюркских рунических памятниках.

Причастная форма на *-dik⁴* наиболее последовательно представлена в тюркских языках огузской группы (азербайджанский, турецкий, гагаузский, туркменский языки).

Большинство тюркологов придерживаются мнения о том, что аффикс прошедшего определенного времени *-di⁴* образовался в результате стяжения формы на *-dik⁴*. Такую точку зрения разделяют Н. А. Баскаков (1940 г., 1952 г.), Ж. Дени (1952 г.), А. П. Поцелуевский (1943 г.), П. И. Кузнецов (1954 г., 1956 г.) и др. По мнению этих ученых, в процессе исторического развития форма на *-dik⁴* подверглась стяжению (т.е. выпал конечный согласный *k* (*ε*)), в результате чего образовалась форма прошедшего определенного времени на *-ды* [9, с. 40–71].

О. И. Бётлингк интерпретирует стяжение данной формы следующим образом: первоначально существовавшие (и продолжающие существовать) глагольно-именные формы 1-го лица – *алдыкым* ‘мое взятие’, *алдыкын* ‘твое взятие’, *алдыкы* ‘его взятие’ и т.д. – в процессе превращения в прошедшее время утратили согласный звук *k*, а получившийся долгий гласный подвергся стяжению: *алдыкым* > *алдыгым* > *алдым* > *алдым* ‘я взял’ [23, S. 305-306].

На наш взгляд, данная гипотеза О. И. Бётлингка не выдерживает критики. Так как, если стяжение действительно существовало в историческом развитии тюркских языков, то следы данного явления наблюдались бы в письменных памятниках, а так же в диалектах и говорах тюркских языков. Однако, как верно отмечает П. М. Мелиоранский, ни в одном тюркском диалекте нет никаких следов процесса стяжения *алдыкым* > *алдым* > *алдым* [12, с. 18].

Махмуд Кашгарский в своем произведении отмечал употребление на *-dik⁴* вместо на *-di* у огузов и некоторых кыпчаков: *men aḡar tawar bärduk* ‘я дал ему товар’. У Махмуда Кашгарского приводится и парадигма с предикативным *-duk*, хотя и без показателей лица: *men jaqurduk* ‘я сделал лук’, *ja qurduk* ‘он сделал лук’ и т.д. Подобное употребление данной формы Махмудом Кашгарским, как отмечается в книге «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Реконструкция региональных языков, 2002 г.», подтверждает ее причастный статус и, шире, статус глагольного имени, отмеченного уже в рунических памятниках [18, с. 191].

В тюркологической литературе представлена также точка зрения, согласно которой временная форма на *-ды* произошла от имени действия на *-t*, которая, в свою очередь, сопровождалась словами *бар* ‘есть’, ‘имеется’ или *йок* ‘нет’, ‘не имеется’. Последователями данной гипотезы являются П. М. Мелиоранский (1899 г., 1900 г.), В. Броккельман (1951 г.), Н. К. Дмитриев (1948 г.), Б. А. Серебrenников (1979 г.) и др. Как полагает Н. К. Дмитриев, это архаическое отглагольное существительное на *-ым/ -ит/ -ым/ -ым/ -т* принимало аффиксы принадлежности: *алытым бар*, *алытым йок*. В дальнейшем слова *бар* и *йок* отпали, в результате чего и возникла форма *алдым* [6, с. 141].

Б. А. Серебrenников также придерживаясь данной точки зрения, отмечает, что отглагольное имя на *-ым, -ит* в составе форм прошедшего времени на *-ды, -ди* отражает особенности архаического мышления, когда прошедшее время ассоциировалось преимущественно с результатом действия, а не с фактом его наличия в плане прошедшего. Поэтому отглагольное имя явилось удобным средством его выражения [16, с. 31]. А. М. Щербак, подчеркивает именную природу формы прошедшего времени на *-ды* [22, с. 48].

Таким образом, в свете сказанного можно прийти к выводу, что форма *-ыт* не только функционировала в качестве глагольного имени, но и передавала значение изъявительного наклонения. По всей вероятности, данная форма в результате этого способна принимать личные аффиксы.

Как известно аффикс *-т*, является древним показателем множественности. Следовательно многозначность формы на *-ыт* связана с аффиксом *-т*. Следует отметить, что в тюркологии бытует мнение, согласно которому аффиксы множественного числа изначально передавали значения как множественности, так и неопределенности. Иначе говоря, множественность всегда несет в себе оттенки численной неопределенности. Следовательно, древние аффиксы множественного числа, в то же время являющиеся показателем неопределенности, присоединяясь к глаголам, образуют формы, значения которых тесно связаны с неопределенностью. В то время как значение многозначности данной формы было утеряно посредством фонетических изменений *-ыт > тым > дым*, образовалась форма прошедшего определенного времени.

Известно, что в тюркских языках узкие гласные *-ы, -е(-и), -о, -ө* издревле выражают определенность [7, с. 345]. Следовательно, неслучайно при образовании прошедшего определенного времени всегда присоединяются именно эти узкие гласные. Помимо этого, узкие гласные употребляются при образовании аффикса винительного падежа, принадлежности, в значении которых прослеживается оттенок определенности.

В языке орхоно-енисейских письменных памятников причастие на *-dik⁴* наряду с атрибутивной функцией употребляется также в субстантивной и пре-дикативной функциях. Например: *Түрк бодун илләдүк илин ычгуну ыдымыс – Тюркский народ расстроил свой уже устроившийся племенной союз* (в атрибутивной функции) [10, с. 4]; *Билдүкимин өдүкимин бунча битиг битидим – То, что я знаю, то, что я думаю, так я написал* (в субстантивированной функции); *Бүкәкүкдә сәкиз огуз, тогуз татар галмадуг – В Бюкягюке не осталось ни одного из восьми огузов и девяти татар* (в предикативной функции) [2, с. 97].

В орхоно-енисейских памятниках причастный аффикс на *-dik⁴* принимает аффиксы числа и падежа. Данный аффикс в языке орхоно-енисейских памятников в атрибутивной функции употребляется без аффиксов принадлежности.

В азербайджанском языке причастная форма на *-dik⁴*, в отличие от языка орхоно-енисейских памятников, употребляется только с аффиксами принадлежности и не употребляется в предикативной функции.

Обращает на себя внимание следующая особенность причастного аффикса на *-dik⁴* в тюркских языках. Рассматриваемый причастный аффикс употребляется в основном в отрицательном аспекте.

Отметим, что в указанных выше памятниках зарегистрированы случаи субстантивации слов, образованные посредством аффикса на *-dik⁴*.

Например: *Ол тәкдүкдә Байыргунин аг адгырыг удлыгын сыйу урты – В том сражении он погубил белого жеребца Байырку, сломал ему бедро* [10, с. 5].

Следует отметить, что в некоторых тюркских языках, в которых причастный аффикс на *-dik⁴* не функционирует в качестве причастия, наблюдаются случаи субстантивации данного аффикса, башкир. *taşlandık – отбросы, kaldık – остаток*, тув. *čartyq – половина, qoldıq – остаток* [Там же, с. 6-7] и т.д.

Примечательно, что причастный аффикс на *-dik⁴* в орхоно-енисейских памятниках, сочетаясь с послелогом *үчүн – для того, чтобы*, выступает в большей мере в качестве деепричастия, нежели причастия. Рассмотрим примеры: *Тэнри күч биртүк үчүн каным каган сүси бөри тэг эрмис – Небо, даровав им силу, сделало войско моего отца-кагана подобно волку* [2, с. 98].

Причастный аффикс на *-dik⁴* в языках тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв., в отличие от орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятников, является менее употребительным. Рассматриваемый аффикс в памятниках уйгурского письма преимущественно выступает в субстантивной функции. В адъективной и предикативной функциях данный причастный аффикс употребляется довольно редко. Рассмотрим примеры:

*Билдирмән бу йанлыг тапуғ кылдугун
Багырсаклык ол сән мәни колдугун
Я знаю, что такое твое служение
Является состраданием, ты меня просил.

*Муну мән ма эмди сана кәлдүкүм,
Мәнин кылкүм эрди бу көркүттүкүм
Вот я тоже теперь к тебе пришел,
Каков был мой характер (мои поступки), это я показал [13, с. 56].*

Как мы видим, в приведенных выше примерах, формы на *-dik⁴* передают предикативный оттенок, оставаясь при этом субстантивной категорией с аффиксами принадлежности.

Промежуточностью их значения между субстантивностью и глагольностью, как верно отмечает В. М. Насилов, можно объяснить и широту их применения в синтаксических конструкциях в функции определения, дополнения, обстоятельства, подлежащего [Там же, с. 57]. Рассмотрим примеры: *Кылдугум ишләрнин – дела, которые я выполнил; бу сордугум – мой вопрос* [Там же, с. 58-59] и т.д.

В языке дастана «Китаби – Деде Коркуд» также встречается причастие на *-dik⁴*. В данном дастане рассматриваемый аффикс принимает аффиксы принадлежности: *istädüküm – мой желанный; atduğı – брошенный им* [24, с. 57] и т.д.

Причастный аффикс на *-dik⁴* в «Китаби - Деде Коркуде», как отмечает А. Дамирчизаде, употребляется иногда в качестве инфинитива: *Gəzdigindən öldügin yeg ola – Тебе лучше умереть, чем скитаться* и т.д. [Ibidem, s. 55].

Причастный аффикс на *-dik⁴* в азербайджанском языке широко употреблялся во всех периодах его развития. Подобно другим тюркским языкам огузской группы, данный аффикс принимает аффиксы принадлежности. Однако следует отметить, что рассматриваемый аффикс сочетался с аффиксами принадлежности в более поздний период развития азербайджанского языка.

Свидетельством этому является недостаточность фактов использования данного аффикса в сочетании с аффиксами принадлежности в письменных памятниках азербайджанского языка средних веков.

Показательно по этому поводу высказывание С. Ализаде: «Неслучайно, что в письменных памятниках средних веков встречается немало фактов употребления причастия на *-dik⁴* без аффикса принадлежности» [26, с. 16].

В азербайджанском языке причастная форма на *-dik⁴* обладает глагольным свойством переходности-непереходности: *oğlumı göndərdiyim məktəb* - школа, в которую я отправил сына; *hədiyyəni verdiyi dost* - друг, который вручил подарок и т.д. Помимо этого, форма на *-dik⁴* в азербайджанском языке главным образом образуется от глагольных основ основного, возвратного, пунудительного, взаимно-совместного залогов. В случае образования рассматриваемой причастной формы от глагольных основ страдательного залога она подвергается окказиональной субстантивации.

Обращает на себя внимание следующая особенность причастной формы на *-dik⁴* в азербайджанском языке. Так, в азербайджанском языке посредством исследуемой формы образуются некоторые деепричастные формы (*-dıqda⁴*, *-dıqca⁴*). Например, *yazdıqda* - в то время, как (когда) напишу; *oxuduqda* - когда читаю; *öyrəndikcə* - когда узнаю, *gördükcə* - когда увижу [1, с. 47] и т.д.

Перечисленные выше особенности причастной формы на *-dik⁴* не являются исключительно особенностями азербайджанского языка. Подобные особенности исследуемой причастной формы наблюдаются также в турецком и гагаузском языках.

Наряду с этим, причастная форма на *-dik⁴* в азербайджанском языке, сочетаясь с аффиксами принадлежности и исходного падежа, образует наречие. Отметим также, что данное наречие может употребляться и с послелогом *sonra* - потом. Например, *oxuduğumda* - когда я читал; *oxuduqdan sonra* - когда я (ты, он и т.д.) прочитал [Там же, с. 48] и т.д.

Как мы отмечали выше, причастная форма на *-dik⁴* в азербайджанском языке подвергается окказиональной субстантивации. Окказиональная субстантивация рассматриваемой причастной формы осуществляется: а) посредством употребления в качестве сказуемого - *gördüyümdür* - увиденное мною; *yazdığumdur* - написанное мною и т.д.; б) в случае, если в предложении не используется определяемое: *mənim yazdığım* - написанное мною; *götürdüyü haradadır* - где, то, что он взял и т.д.; в) посредством сочетания с послелогом *ilə* - вместе, с; *görüb - görmədiyimlə maraqlanar* - он интересуется увидел ли я [Там же, с. 47-48] и т.д.

В современном турецком языке причастная форма на *-dik⁴* главным образом употребляется с аффиксами принадлежности: *yazdığım kitap* - книга, которую я написал; *dinlediğiniz müzik* - музыка, которую вы слушали; *anlatduğunuz hikaye* - история, которую вы рассказали [25, с. 250] и т.д.

Подобно другим тюркским языкам, в современном турецком языке некоторые причастные формы на *-dik⁴* субстантивировались: *bildik*, *tanidik* - знакомый [Ibidem] и т.д.

Небезынтересно отметить, что в турецком языке зафиксирован также фонетический вариант на *-dicek/-ticek*. Данная форма, подобно форме на *-dik⁴*, также принимает личные аффиксы, при этом наиболее употребительны формы 1 и 2 л. ед.ч.

Отметим, что форма на *-dicek/-ticek* преимущественно встречается в диалектах и говорах турецкого языка, а также в устном народном творчестве. Рассмотрим примеры: *Elim ile dikticeğim söğüdü* - посаженную мною иву [Ibidem].

Форма на *-dicek/-ticek* в турецком языке весьма часто употребляется без имени существительного: *Aşıka etticeğin başa uamandır kakışım* - *etticeğin* - сделанное тобою; то, что ты сделал [Ibidem] и т.д.

В современном туркменском языке причастная форма на *дык/-дик/-дук/-дук* преимущественно выступает в качестве существительного. Рассматриваемая форма употребляется как с аффиксами лица, так и без них. Например: *Зынхар каст этмегил ийдигин нана* - Не покушайся на хлеб, который ты ел [11, с. 56]; «Товшана догдук депе» *дийиндирлер* - Говорят: «Зайцу дорог родной холм» [15, с. 32] и т.д.

Причастная форма на *-дык/-дик/-дук/-дук* в туркменском языке в качестве причастия употребляется довольно редко. Однако с личными аффиксами исследуемая форма употребляется очень часто: *сен гелдигин* - как только ты приедешь; *онун алдыгы* - как только он возьмет [4, с. 360] и т.д.

В письменных памятниках туркменского языка XVIII-XIX вв. имеет следующие фонетические варианты: *-дык/-дик*, *-тик/-тук/-тук*, *-сык/-сук/-сук*. Данная причастная форма в приведенных выше памятниках принимает аффикс принадлежности и имеет отрицательный аспект в форме *-мадык/-медик*. Например: *Шу чекдигим ахы-зарым кайдадур* - Где ты, измучившая меня, моя любимая; *Гам гөрмедик йигит өзин мест эдер* - Не видевший печали юноша будет веселиться [5, с. 6-7].

Следует отметить, что форма на *-мадык/-медик* в туркменском языке, в отличие от других тюркских языков огузской группы, является также отрицательной формой причастия на *-ан/-ен*. Исторически же *-мадык/-медик* употреблялась лишь для причастной формы на *-дык/-дик*.

В современном гагаузском языке причастная форма на *-дык⁴* подразделяется на 2 формы: *-мадык* и *-дыы*. Следует отметить, что в указанном языке фонетический вариант *-дык⁴* сохранился лишь в отрицательной форме данного аффикса. Положительная форма рассматриваемого причастия имеет фонетический вариант *-дыы*.

Несмотря на грамматическое сходство причастной формы на *-дык⁴* с причастием прошедшего времени на *-мыш⁴*, эти формы параллельно функционируют в гагаузском языке.

Следует отметить, что в гагаузском языке вместо отрицательного аспекта причастной формы на *-мыш⁴* нередко употребляется причастная форма на *-мадык*: *кайнамыш киреч – кайнанмадык киреч – гаишэная и негаишэная извэсть* [14, с. 237].

В гагаузском языке положительная форма на *-дыы⁴* имеет как звонкий, так и глухой фонетические варианты *-дыы⁴/-тыы⁴*.

Вторичный по своему происхождению фонетический вариант на *-дыы* зафиксирован лишь в гагаузском языке: *алдыы – взятый, истедиы – желанный* и т.д. В других тюркских языках рассматриваемый фонетический вариант не наблюдается.

Примечательно, что причастная форма на *-дыы* в гагаузском языке, выступая в атрибутивной функции, семантически аналогична форме на *-дык⁴* в азербайджанском и турецком языках, с той лишь разницей, что в азербайджанском и турецком языках аффиксы принадлежности присоединяются к форме на *-дык⁴*, а в гагаузском – к определяемому имени существительному, тогда как причастная форма на *-дыы* функционирует без изменений. Сравним: азерб. *oxuduğum kitab*; тур. *okuduğum kitap*; гаг. *окудуу кийадым – книга, которую я прочитал (прочитанная мною книга)* [Там же, с. 238] и т.д.

Следует также отметить, что форма на *-дыы* в гагаузском языке, подобно форме на *-дык⁴* в других тюркских языках огузской группы, способна субстантивироваться. Субстантивируясь, рассматриваемая форма принимает аффиксы принадлежности, множественного числа и падежей. Рассмотрим пример:

*Бенди фистаны гиймедим,
Истедиимä да гитмедим (түркү)*

*Понравившееся мне платье я не надела,
За желанного моего я не вышла (песня)* [Там же].

В якутском языке причастию на *-дык⁴* соответствует причастие на *-тах/-дах/ -нах/-лах*. Форма на *-тах*, как верно отмечают Л. Н. Харитонов и Е. И. Убрятова, существенно отличается от других причастных форм, что она в значительной степени стала собственно-глагольной формой [19, с. 60; 20, с. 227].

Отметим, что посредством данного аффикса образуются предположительное и второе условное наклонения в якутском языке. При образовании предположительного второго условного наклонений, причастие на *-тах* в якутском языке присоединяет аффиксы принадлежности. Например: *бардахпыт – значит мы пошли; бардахпына – если я пойду, бардахпытына – если пойдём* [3, с. 235] и т.д.

Принимая падежные аффиксы, причастная форма на *-тах* в якутском языке выступает в качестве условно-го инфинитива, обстоятельства времени, сказуемого, дополнения и т.д. Для наглядности рассмотрим примеры:

Оттон суолго түһэрэн кэбистэххэ – А что если на дороге сбросить (условный инфинитив); Колхозка кширдэбиттэн быһа обуруокка үлэиир – Со времени вступления в колхоз он все работает на огороде (обстоятельство времени); Кинилэр техникуму бүтэрдэхтэрин сыл холбоспуттара – Они стали мужем и женой в год окончания техникума (в обстоятельство времени) [Там же, с. 237].

Как мы видим, причастие на *-тах* в якутском языке, в отличие от тюркских языков огузской группы, в атрибутивной функции не употребляется. Исключение составляет лишь основа *диэ (диэтэх)*, в сочетании с которой причастие на *-тах* выступает в качестве определения.

Следует подчеркнуть, что посредством исследуемого причастного аффикса в якутском языке образуются самостоятельные слова с модальным значением утверждения и усиления высказанного. В данном случае причастная форма на *-тах* принимает аффиксы принадлежности и способна сочетаться с любой частью речи.

Таким образом, причастная форма на *-dik⁴* в тюркских языках характеризуется наличием различных и своеобразных семантико-морфологических особенностей. Отличительные особенности причастной формы на *-dik⁴* наблюдаются не только в ее семантико-морфологических, но и в фонетических признаках, стяженных формах, а также в более активном или пассивном употреблении исследуемой причастной формы.

В древнетюркском языке, в отличие от современных тюркских языков, причастная форма на *-dik⁴* в атрибутивной функции употребляется без аффиксов принадлежности.

Несмотря на то, что причастная форма на *-dik⁴* в современных тюркских языках относится к причастиям прошедшего времени, в зависимости от контекста может выражать значение настоящего и будущего времени.

Причастная форма на *-dik⁴*, будучи присущей преимущественно тюркским языкам огузской группы, встречается также в некоторых тюркских языках других групп (башкирский, тувинский, якутский) и т.д.

Список литературы

1. Алиев В. Неспрягаемые формы глагола в азербайджанском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Баку, 1989. 57 с.
2. Ахметов М. А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1978. 131 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. 496 с.
4. Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология. Ашхабад: Ылым, 1970. Ч. 1. 503 с.
5. Гузычыев Т. Причастия в письменных памятниках туркменского языка XVIII–XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971. 27 с.

6. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.
7. Кнекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа.: Китап, 1996. 368 с.
8. Котвич В. И. Исследования по алтайским языкам. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 372 с.
9. Кузнецов П. И. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имени действия в тюркских языках // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960. 350 с.
10. Кулиев А. А. Неличные формы глагола в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнении с азербайджанским языком): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1978. 27 с.
11. Магтымгулы. Сайланан эсерлер. Ашхабад, 1959. 386 с.
12. Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900. 207 с.
13. Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. М.: Наука, 1974. 101 с.
14. Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964. 298 с.
15. Сейтэков Б. Гыз салгыды. Ашхабад, 1962. 248 с.
16. Серебrenников Б. А. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках // Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. М., 1967. С. 30–32.
17. Серебrenников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис. Баку, 1979. 284 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
19. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 304 с.
20. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык: фонетика и морфология. Якутск, 1947. Ч. 1. 312 с.
21. Шерванидзе И. Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 133 с.
22. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: глагол. М.: Изд-во АН СССР, 1981. 184 с.
23. Böhlingk O. Über die Sprache der Yakuten: Grammatik: Text und Wörterbuch. SPb., 1851.
24. Dəmirçizadə Ə. Kitabı-Dədə Qorqud dastanlarının dili (təkrar nəşr). Bakı: Elm, 1999. 140 s.
25. Ediskun H. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1963. 413 s.
26. Əlizadə S. Orta əsrlərdə Azərbaycan yazı dili. Bakı: ADU – nun nəşri, 1985. 250 s.

ON COMPARATIVE-HISTORICAL RESEARCH OF SEMANTIC-MORPHOLOGICAL FEATURES OF PARTICIPIAL FORM ENDING IN *-dik⁴* IN MODERN TURKIC LANGUAGES

Meshadieva Ainel' Enver kyzy, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Institute of Linguistics named after Nasimi of Azerbaijan National Academy of Sciences
meshadiyevaaynel@mail.ru

The author conducts the comparative-historical analysis of participial form ending in *dik⁴* by the material of both modern Turkic languages and their dialects and sub-dialects, and in the ancient period, mentions that currently a number of questions regarding the morphological-semantic features and basic functions of participial form ending in *-dik⁴* in Turkic languages have not received thorough coverage in the study of Turkic languages; in the process of comparative-historical research reveals similar and distinctive features, as well as different phonetic variants of participial form ending in *-dik⁴* in modern Turkic languages, and also considers its etymology.

Key words and phrases: participial form ending in *-dik⁴*; etymology; comparative-historical research; modern Turkic languages; dialects; ancient Turkic period; similar and distinctive features.

УДК 811.111-26

Филологические науки

В данной статье рассматривается проблема становления и развития индивидуального словаря внутрителесных, или интероцептивных, ощущений и эксплицируется содержание понятия «интероцептивный идиолект». На материале произведений С. Кинга автор прослеживает основные пути развития интероцептивного идиолекта, соотнося его с конвенциональным интероцептивным словарем, предлагаемым современной англоязычной лингвокультурой.

Ключевые слова и фразы: интероцептивное ощущение; экспериенцер; вербализация; конвенциональный интероцептивный словарь; идиолект; метафора.

Нагорная Александра Викторовна, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет
alnag@mail.ru

ИНДИВИДУАЛЬНО-ИДИОЛЕКТАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СЛОВАРЯ ВНУТРИТЕЛЕСНЫХ ОЩУЩЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. КИНГА)[©]

Внутрителесные, или интероцептивные, ощущения представляют собой весьма «неудобный» объект номинации. Их «негостеприимность по отношению к языку» [10] отмечается всеми без исключения исследователями